

Копелев 1.

9492

Независимая газета, 1992 г. № 17

80 лет

К АН-ТО в середине 50-х сбегла летним вечером компания литераторов вдоль Тверского бульвара. Вдруг из распахнутого окна на первом этаже донесся отчаянный женский крик. Каждый среагировал по-своему: кто застыл в замешательстве, кто, напротив, усморила шаг, кто стал озираться, нет ли поблизости милиционера. И лишь один человек, не раздумывая, попросту перескочил через подоконник и ринулся в глубь чужой квартиры — помочь, защитить, спасти... Конечно, это был Лев Копелев.

Вот таким и ворвался он в нашу жизнь, воротясь из десятилетнего заключения в сталинских тюрьмах, — ничего не забывшим, не так уж много понявшим... Но не сломенным, не озлобленным, а исполненным неистовой жажды жить и сражаться за справедливость, навывисшим воплощением коей представлялся ему еще долго «социализм с человеческим лицом». Правнук нантониста, он вырос на украинской земле, с детства впитывал и усваивал русскую культуру, а впоследствии сделался знатоком и культуры немецкой. Он смолodu стал и навсегда остался интернационалистом — в изначальном, прекрасном смысле этого немодного нынче слова. Он остается поныне сыном своей эпохи, разделившим самые радужные ее иллюзии и самые постыдные заблуждения, сумевшим сделать свой горький опыт достоянием сотен тысяч читателей.

Судьба уготовила ему тяжкие испытания, через которые он прошел, умудрившись остаться самим собой даже там, где другие безвозвратно себя теряли. Что спасало его? Разумеется, редкостная, несравненная, неистребимая витальность. И еще — жадный, азартный интерес к людям всех наций и состояний, приобретающий ему друзей повсюду, куда б ни бросала жизнь.

Развеялись оттепельные иллюзии — и память, совесть, острое чувство личной ответственности за все, что происходит вокруг, вовлекли его в затяжной конфликт с тоталитарным режимом. Борьба, поначалу подцензурная, а затем более откровенная, которую он повел с этим режимом, благоразумным людям казалась чистейшим безрассудством — что ж, рассудительным Копелева и сегодня не назовешь. Страстные выступления в защиту преследуемых и гонимых (не только таких, как Солженицын и Сахаров, но и совсем безвестных), завоевали ему множество новых друзей у нас и за рубежом. И новых врагов.

Его принялись изгонять отовсюду — из Института искусствознания, из партии, наконец, из Союза писателей. Но тут-то писательский его талант и раскрылся по-настоящему: Копелев создал свою Главную книгу — «Хранить вечно». Это — повествование обо всем, что он пережил и повидал в 1945—1947 годах, история советского офицера, арестованного и осужденного за то, что в последние недели войны в Восточной Пруссии он восстал против жестоких бесчинств, творимых победителями, спасал стариков и женщин. Но помимо своей документальной ценности, сделавшей «Хранить вечно» одним из человеческих свидетельств, по которым будут судить о наших временах, книга обладает и тем особым качеством, за которое ее иногда-нибудь, верится, еще назовут, казалось бы, невозможным и все-таки осуществленным жанровым гибридом плутовского и рыцарского романа, уникальным порождением лагерной эпохи. Не об этом ли говорит Генрих Велль: «Копелев описывает свой путь от ареста через разные тюрьмы, камеры, лагеря, он наблюдает других людей, другие судьбы, вооруженный ненасытным любопытством и невзрелым легкомыслием... Копелев много перетерпел, много испытал, но его исповедь — вовсе не история страданий. Он сам — не средоточие своего повествования, хотя он и виден в каждой фразе. Он и не Дон Кихот и не Санчо Панса. В нем — и тот, и другой. Я знаю его по бесчисленным с ним разговорам, по бесчисленным встречам: в его человеческом обличье снята классическая противоположность этих образов».

Вышедшая впервые в 1975 году, переведенная на девять языков, а недавно увидевшая свет и в России, книга «Хранить вечно» — лишь одна часть автобиографической трилогии. За ней последовали две другие — «Не сотвори себе кумира» (1979). И еще повесть «Святой доктор Федор Петрович» (1985), которую Копелев начал в Москве, а дописывал в городе Бад-Мюнстерайфеле, где родился любимый его герой, доктор Гааз...

Вот уже двенадцатый год он живет в Кельне окруженный почтительной любовью немцев, которые давно превратили бы его в живую легенду, если бы сам он упрямо тому не противился своей непредсказуемостью, своей чрезмерностью, всем своим принципиально адогматическим существом. Лауреат различных премий, профессор Вуппертальского университета, выпустивший уже несколько внушительных томов, посвященных русско-германским культурным связям, Копелев в свои, ничего не попишет, восемьдесят лет, при своей патриаршей внешности, возмутительно молод и в глубине души несолиден.

С юности верный шиллеровско-бетховенскому «Обнимитесь миллионы», он все с тем же азартом продолжает сражаться за жизнь и достоинство каждой человеческой личности. А сердце его — на родине, где друзья и близкие, где покоится вблизи Донского монастыря прах его Раи. И сегодня в легкие наши времена мы знаем: он с нами.

Вера КУТЕЙЩИКОВА,
Лев ОСПОВАТ